УДК 903.5 + 572.08

ББК 63.4(2354)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-41-7-18

В. И. Ташак, А. И. Бураев

ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ПОДЗВОНКОЙ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ: ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Представлены новейшие антропологические данные, полученные при изучении погребения железного века в местности Подзвонкая на юге Западного Забайкалья. Археологические данные указывают на сочетание в исследованном погребении черт, характерных для финала бронзового и железного веков региона. Антропологические данные демонстрируют сочетание у погребенного европеоидных и монголоидных черт при преобладании европеоидных. Во II–I вв. до н. э. на развитие археологических культур юга Западного Забайкалья значительное влияние оказывало хуннское политическое объединение. Согласно археологическим данным, рассматриваемое погребение нельзя однозначно связать с хунну. Антропологические данные, напротив, вписываются в имеющуюся картину антропологического состава хунну. Исходя из этого, можно предполагать, что погребение предстает как фрагмент того периферийного мира, что окружал центры хунну в Забайкалье, и мог послужить одним из компонентов становления культуры хунну на этой территории.

Ключевые слова: археология, антропология, бронзовый век, железный век, культура хунну, Западное Забайкалье.

V. I. Tashak, A. I. Buraev

THE EARLY IRON AGE BURIAL FROM THE PODZVONKAYA SITE IN WESTERN TRANSBAIKALIA: ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL DATA

The article presents new anthropological data obtained in the course of investigations of an early Iron Age burial at Podzvonkaya locality in the south of Western Transbaikalia. The archaeological data indicate the combination of the features characteristic of the final Bronze and Early Iron Ages in this burial. The anthropological data demonstrate the combination of Caucasian and Mongoloid features with the domination of the Caucasian ones. In the II–I centuries BC the political alliance of Xiongnu exerted considerable influence on the development of archaeological cultures in the south of Western Transbaikalia. According to the archaeological data the investigated burial could not be unequivocally connected with the Xiongnu. The anthropological data, in contrast, fit the current picture of the Xiongnu anthropological characteristics. Based on this we can suppose that the burial appears to be the fragment of the peripheral world that surrounded the Xiongnu centers in Transbaikalia and could be one of the components that played a role in the rising of the Xiongnu culture at this territory.

Keywords: archaeology, anthropology, Bronze Age, Iron Age, Xiongnu culture, Western Transbaikalia.

ТАШАК Василий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tvi1960@mail.ru.

БУРАЕВ Алексей Игнатьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: buraev1961@inbox.ru.

Введение

В археологии Западного Забайкалья остается множество нерешенных вопросов в области изучения раннего железного века. Актуальность этим вопросам придает выраженная диспропорция в имеющихся данных по этому периоду. В частности, за более чем вековую историю археологических исследований получены многочисленные данные по материальной и духовной культуре хунну имперского периода – II–I вв. до н. э., но крайне мало данных по всем направлениям изучения и периодам железного века.

Археология забайкальских хунну скрупулезно исследована П. Б. Коноваловым [1976], А. В. Давыдовой [1995, 1996], С. С. Миняевым [1998] и др. Среди исследователей материальной культуры хунну в Забайкалье разногласия минимальны в вопросах датировки и локализации оставленных ими памятников «классического периода», когда уже были сформированы основные черты «хуннского культурного комплекса». В то же время в археологии раннего железного века Западного Забайкалья четко обозначается ряд нерешенных вопросов, например остается актуальным и вызывает бурные дискуссии вопрос о происхождении культуры хунну. Некоторые исследователи видят предками хунну носителей культуры «ордосских бронз» [Тянь Гуаньцзинь 1983; Миняев 1979]. Другие считают, что корни хунну следует искать в культуре верхнего слоя Сяцзядянь, при кардинальной смене позиций Миняева [1986, 1998]. С другой стороны, как уже отмечалось при описании культуры плиточных могил, некоторые китайские (в первую очередь Цзинь Фэньи) и российские коллеги аргументированно считают культуру верхнего слоя Сяцзядянь родственной культуре плиточных могил [Комиссаров 1988: 87] и связывают ее с племенами дунху [Ковалев 2002: 104; Комиссаров 1988: 87–89]. П. Б. Коновалов решает сложившуюся коллизию, признавая смешанный характер культуры хунну, и считает, что вышеназванные культуры являются протосюннскими [1999: 52–62].

Нерешенными остаются и вопросы, связанные с влиянием культуры хунну на периферийное окружение в масштабе локальных территорий. В частности, в настоящее время крайне мало данных о взаимосвязях и взаимовлиянии хуннских центров (крупные укрепленные и неукрепленные поселения) с окружающим их населением на территории Западного Забайкалья. Такое взаимовлияние может проявляться в сочетании археологических материалов, типичных для хуннских местонахождений, и, например, нетипичных элементов обряда захоронения. Немаловажный аспект изучения взаимовлияния центров и периферии видится в определении антропологических особенностей носителей культур. Также весьма слабо изучен период, последовавший сразу за разрушением хуннской государственности.

В данной статье впервые предлагаются к рассмотрению антропологические материалы, полученные из захоронения железного века на юге Западного Забайкалья. Рассмотренные в статье данные свойственны только для территории Забайкалья как в плане археологии, так и в плане антропологии. Вместе с тем эти данные весьма интересны, поскольку происходят из района Западного Забайкалья, где влияние хунну было значительным, что оставило след в виде разнообразных археологических объектов.

Общие данные об археологическом объекте

Рассматриваемое захоронение железного века является частью ансамбля археологических памятников в местности Подзвонкая Кяхтинского района Рес-

публики Бурятия (юг Западного Забайкалья). Местность находится в межгорной долине речки Тамир, в 7 км на юг, юго-запад от с. Тамир и в 23 км на север от российско-монгольской границы. В настоящее время Подзвонкая известна как крупное палеолитическое местонахождение [Ташак 1996, 2016; Антонова, Ташак 2016]. Наряду с палеолитическими местонахождениями участок у подножия горы Звонкая изобилует погребениями и стоянками бронзового и железного веков, курганами-керексурами и наскальными рисунками. Часть древних захоронений видна на поверхности благодаря надмогильным конструкциям, некоторые из них на поверхности не видны.

Одно из таких погребений было обнаружено случайно, попав в площадь раскопа Восточного комплекса – участка с палеолитическими культурными горизонтами [Ташак 1998, 2016]. На современной поверхности древнее захоронение не прослеживалось, но назвать его грунтовым нельзя, поскольку могильная яма была перекрыта каменной кладкой, в которой прослеживалось три уровня. Вся эта конструкция из скальных обломков [Он же 1998: 100–101; рис. 1–3], положенных вдоль могильной ямы, первоначально возвышалась над древней поверхностью. Во всяком случае, контуры могильной ямы начинают фиксироваться только на нижнем уровне каменного перекрытия. Нижний ярус кладки представлен продолговатыми плитчатыми обломками скал, положенными поперек могильной ямы и перекрывающими участок над ногами и в районе пояса погребенного. Над нижним ярусом были положены скальные обломки, ориентированные вдоль могильной ямы. В отличие от нижнего ряда, камни верхнего уровня не формировали плотной кладки, хотя и были организованы в компактную группу.

В настоящее время ожидаются результаты по прямому датированию человеческого костяка, но в связи с их отсутствием привлечены имеющиеся данные для определения приблизительного возраста захоронения. Надмогильная каменная кладка была зафиксирована только в верхней части второго литологического слоя, т. е. она подверглась захоронению в результате геологических процессов. Радиоуглеродная дата по погребенной почве с глубины около 10 см от современной поверхности – 1220 ± 80 л. н. (ЛУ-8134) указывает на приблизительное время полного перехода надмогильной кладки в погребенное состояние [Он же 2016]. Закладка могильной ямы производилась с более низкого уровня, т. е. задолго до 1000 г. н. э. Еще одна $14C$ дата получена с глубины уровня закладки могильной ямы – около 30–40 см от современной поверхности: 6430 ± 110 л. н. (ЛУ-8130). Таким образом, по датированию почвы с уровня, перекрывающего каменную надмогильную кладку, и уровня, который уже был погребен во время закладки ямы, можно утверждать, что захоронение было осуществлено между 5000 г. до н. э. и 1000 г. н. э. Наличие железных вещей в захоронении указывает, что могила не может быть древнее второй половины I в. до н. э. Поскольку верхний возраст определен для слоя, перекрывшего поверхность надмогильной кладки, можно предполагать, что захоронение осуществлено в раннем железном веке или на рубеже тысячелетий. Косвенным подтверждением такому выводу может служить еще одна $14C$ дата, полученная по человеческому костяку из безынвентарного погребения, расположенного рядом с керексуром, в 20 м севернее рассматриваемого объекта: 1715 ± 55 л. н. (СОАН-7019). Погребение имеет плоскую надмогильную кладку из некрупных скальных обломков. Кладка задернована, но видна на поверхности, поскольку расположена выше по склону и на более наклоненной поверхности, что не способствует активному накоплению рыхлых отложений на этом участке.

Археологические материалы [Он же 1998: 102; рис. 5] из изучаемого погребения немногочисленны и не являются маркирующими какую-либо культуру или временной отрезок, поскольку встречаются в различных объектах.

Например, находки бронзовых бляшек-пуговиц, подобные находке из погребения, встречаются как в плиточных могилах бронзового века, так и в местонахождениях, датированных началом нашей эры. Две костяные пронизки также встречаются в подобном хронологическом интервале. Два сильно заржавевших железных кольца с выступами, как максимум, указывают на ранний железный век.

Ориентация погребенного головой на юго-восток [Ташак 1998: 102; рис. 4] резко отделяет погребение от хуннских, где преимущественная ориентация связана с различными вариациями северного направления. Подобная ориентация более характерна для погребенных в плиточных могилах. С плиточными могилами сближает рассматриваемое погребение и характер перекрытия могильной ямы плитчатыми обломками скал, уложенными поперек продольной оси ямы. Исходя из всех рассмотренных данных, можно предполагать, что погребение относится к раннему железному веку востока Центральной Азии, сохраняя некоторые черты погребального обряда предшествующего времени (культуры плиточных могил). Следует отметить еще один элемент погребения – это небольшой плоский камень, обнаруженный под затылком черепа. Подобный атрибут погребального обряда прослеживается в погребениях плиточных могил бронзового века (напр.: [Цыбиктаров 1998: 221; рис. 34-2 и др.]), а также в некоторых погребениях железного века. Забегая вперед, отметим, что погребенный крайне резко выделяется из типичного антропологического состава культуры плиточных могил, но вполне вписывается в рамки антропологии хунну.

Анализ внешнего вида костей скелета показал, что погребенный страдал остеохондрозом, поразившим поясничный отдел позвоночника, что нередко для людей, большую часть времени проводивших в седле. Некоторые позвонки из средней части позвоночника отсутствовали из-за норного хода землеройного животного, прошедшего сквозь костяк. Лучевая кость левой руки была сломана и срослась при жизни.

Антропологическая характеристика

Антропологический анализ черепа из погребения показывает, что он может быть идентифицирован как мужской, возраста *maturus* (40±5 лет). Череп из Подзвонкой характеризуется брахикранией (при достаточно крупных размерах продольного и поперечного диаметров), большой высотой по диаметру от базииона (при малой высоте по диаметру от порионов). Лоб покатый, широкий. Рельеф черепа выражен средне. Лицо высокое и широкое, с большим по длине основанием. Горизонтальная профилированность выражена средне. Череп отличается выраженной ортогнатностью при небольшом альвеолярном прогнатизме. Орбиты средние по ширине и низкие. Нос высокий и узкий, как по абсолютным размерам, так и по указателю. Переносье узкое, средневысокое. Угол выступания носа средний, ближе к большому. В целом череп отличается противоречивыми характеристиками, что позволяет настаивать на выраженной европеоидности при примеси монголоидных черт (табл. 1).

Дискуссия

Учитывая выраженную европеоидность в чертах анализируемого черепа, в поисках аналогий в имеющихся антропологических материалах раннего и развитого железного века на территории Западного Забайкалья и сопредельных территорий прежде всего следует обратиться к антропологическим данным по хунну, поскольку

именно в их составе фиксируется сочетание монголоидных и европеоидных черепов, а также те или иные примеси среди них. Первые хуннские антропологические материалы были собраны и обработаны в конце XIX в. Ю. Д. Талько-Грынцевичем [1900]. Исследователь прозорливо идентифицировал их как хуннские.

Таблица 1

Размеры и указатели черепа из погребения в местности Подзвонкая

Признак	Погр. Подзвонкая
1	2
1. Продольный диаметр	181,0
8. Поперечный диаметр	149,0
8:1. Черепной указатель	82,3
17. Высотный диаметр (ba-b)	139,0
17:1. Выотно-продольный указатель	76,8
17:8. Выотно-поперечный указатель	93,3
20. Высотный диаметр (po-b)	107,0
5. Длина основания черепа	107,0
9. Наименьшая ширина лба	105,0
10. Наибольшая ширина лба	120,0
11. Ушная ширина	139,0
12. Ширина затылка	111,0
23. Горизонтальная окружность через gl	530,0
24. Поперечная дуга (po-b-po)	323,0
25. Сагиттальная дуга	358,0
26. Лобная часть сагиттальной дуги	124,0
27. Теменная часть сагиттальной дуги	127,0
28. Затылочная часть сагиттальной дуги	107,0
29. Лобная хорда	109,0
30. Теменная хорда	115,0
31. Затылочная хорда	92,0
– Высота изгиба лобной кости	23,5
– Высота изгиба затылочной кости	26,5
32. Угол профиля лба (n-m)	79,0
– Угол лба gl-met к горизонтали	68,0
33 (4). Угол перегиба затылка	45,0
34. Угол затылочного отверстия	7,0
40. Длина основания лица	100,0
43. Верхняя ширина лица	114,0
40:5. Указатель выступления лица	93,5

Продолжение табл. 1

1	2
45. Скуловой диаметр	140,0
46. Средняя ширина лица	104,0
48. Верхняя высота лица	74,0
48:45. Верхний лицевой указатель	52,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,2
50. Межглазничная ширина mf-mf	20,5
– Высота над mf	7,0
51. Ширина орбиты (от mf)	41,8
51 (а). Ширина орбиты от d	41,6
52. Высота орбиты	31,9
52:51. Орбитный указатель (от mf)	76,3
54. Ширина носа	23,0
55. Высота носа	53,0
54:55. Носовой указатель	43,4
60. Длина альвеолярной дуги	64,0
61. Ширина альвеолярной дуги	58,0
62. Длина неба	46,0
63. Ширина неба	36,0
65. Мыщелковая ширина	125,0
66. Бигониальная ширина	107,0
68. Длина нижней челюсти от углов	75,0
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	111,0
70. Высота ветви	63,0
71а. Наименьшая ширина ветви	35,0
79. Угол наклона ветви нижней челюсти	126,0
79(1). Угол подбородка	69,0
– Бимолярная хорда fmo – fmo	104,9
– Высота назиона над бимолярной хордой	17,5
77. Назомалярный угол	143,1
– Зигомаксиллярная хорда	105,7
– Высота subspinale над зигомаксиллярной хордой	25,8
Zm` Зигомаксиллярный угол	128,0
DC. Дакриальная ширина	22,6
DS. Дакриальная высота	9,8
DS:DC. Дакриальный указатель	43,4
SC. Симотическая ширина	6,4
SS. Симотическая высота	3,3

Окончание табл. 1

1	2
SS:SC. Симотический указатель	51,6
72. Общий лицевой угол	87
73. Угол средней части лица	92
74. Угол альвеолярной части лица	78
75. Угол носовых костей к горизонтали	60
75(1). Угол выступления носа	27
Общий тип (<i>norma verticalis</i>)	ov
– Надбровье (по Мартину 1–6)	4
– Надбровные дуги (1–3)	2
– Клыковая ямка (глубина 0–4)	4,1
– Ширина скуловой кости	57,2
– Высота изгиба скуловой кости	15,4
– Указатель изгиба скуловой кости	26,92
– Нижний край грушевидного отверстия	FP
– Наружный затылочный бугор (0–5)	2
– Сосцевидный отросток (1–3)	2

В советский период материалы по хунну изучали Г. Ф. Дебец [1948], Н. Н. Мамонова [1974] и И. И. Гохман [1958, 1969, 1977, 1980]. Исследователи констатировали их монголоидность, не исключая наличия небольшой европеоидной примеси, поначалу связываемой с неолитическим населением Прибайкалья. Особое внимание в краниологической характеристике привлекла мезокrania хуннской серии, резко выделяющая их на фоне брахикранного населения региона. Исходя из этого факта, Г. Ф. Дебец предположил, что хунну Забайкалья не являются прямыми потомками населения предшествующей стадии, имея в виду брахикранное население эпохи неолита и черепа из херексуров [1948: 123].

И. И. Гохман, подтвердив вывод Г. Ф. Дебеца об отсутствии генетической преемственности между хунну и их предшественниками на территории Забайкалья и распространив его на носителей культуры плиточных могил, в посвященной последним статье [1958: 441], в дальнейшем усомнился в выводе о приходе хунну с другой территории [1980: 29]. К этому времени в распоряжении исследователя находился значительно больший по численности материал [1969], расширилась география находок (Иволгинское городище), кардинально изменилась даже расовая характеристика отдельных черепов. В работе 1977 г. автор прямо указывает: «Любой способ внутригруппового анализа серии хуннов Забайкалья показывает наличие в ней морфологически противоположных вариантов. В серии преобладают монголоидные черепа байкальского типа. Но наряду с ними имеются и совершенно европеоидные черепа с резко профилированным лицом, высоким переносом, сильно выступающими носовыми костями» [1977: 162–163]. Новые данные позволили Гохману предположить, что один из компонентов, входящий в состав хунну, происходит от населения культуры плиточных могил [Там же: 163]. Другой, европеоидный, – от западных соседей, однако и этими компонентами не исчерпывается антропологический состав хуннской серии [Там же]. В фундаментальной монографии «Антропология азиатской части СССР»,

подготовленной и опубликованной В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом, мэтры российской антропологии, подтвердив «несомненное» присутствие европеоидной примеси, указали и на возможность небольшой примеси дальневосточной расы в антропологическом составе хунну [1984: 69]. Там же была предложена версия о происхождении европеоидной составляющей в хуннской серии: «Что касается европеоидной примеси в составе гуннов, то она могла появиться либо в результате западных контактов непосредственно в скифскую или гуннскую эпоху, либо быть унаследованной от неолитического населения Прибайкалья» [Там же].

Современный анализ материала позволяет сделать вывод о синхронном существовании различных расовых типов на территории Байкальского региона в хуннское время [Бураев 2006: 54–60]. Материалы раскопок хуннской части могильника Енхор в Джидинском районе Республики Бурятия подтвердили факт захоронения в хуннских погребениях, наряду с численно преобладающими монголоидами, людей европеоидной расы. По всей видимости, европеоидное и монголоидное население региона активно контактировало между собой на всем протяжении I тыс. до н. э. и в первые века нашей эры. Таким образом, Байкальский регион в указанный период, по-видимому, являлся маргинальным для монголоидных и европеоидных популяций.

Стоит особо отметить, что речь идет не только о европеоидной примеси, но и о морфологически «чистых» европеоидах. Монголоидный компонент обнаруживает практически полное сходство с предшествующим хунну населением культуры плиточных могил. Таким образом, они, вероятно, сохранили свое присутствие на территории Байкальского региона и в хуннское время.

Что касается европеоидного компонента в хуннской серии, то пока нет достаточных данных для определения его происхождения. Наиболее адекватным представляется вариант генетической преемственности с населением, соорудившим херексуры, но настаивать на таком утверждении по меньшей мере преждевременно. В 2011 г. были получены первые данные по палеогенетике. Исследование выполнено на основе анализа митохондриальной ДНК хунну Западного Забайкалья [Пилипенко и др. 2011]. По полученным данным, наряду с центрально- и восточноазиатским был выделен и переднеазиатский компонент в генофонде хунну. Как показали данные с территории Монголии (могильник Ноин-Ула), связи между населением Центральной и Передней Азией вполне реальны [Там же: 224].

Проникновение европеоидов на территорию Центральной Азии вообще и Южного Забайкалья в частности отчетливо фиксируется в рассматриваемый период. По всей вероятности, территория юга Бурятии (географически северная периферия Центральной Азии) входила в контактную монголоидно-европеоидную зону. Два отличающихся в расовом и этническом отношении потока вступали в различные формы взаимодействия (от воинствующего антагонизма до создания объединенных военно-политических образований), смешивались между собой и с «местным» населением, представлявшим уже метисированную, в той или иной степени, популяцию, состоящую из потомков носителей культур плиточных могил и херексуров. Европеоидно-монголоидные контакты были характерны для населения региона на протяжении всей истории кочевых образований, в т. ч. и в хуннский период.

Заключение

Вновь полученные данные подтверждают реальность такого взаимодействия. По нашему мнению, череп из погребения в пади Подзвонкая может быть охарактеризован как европеоидный с долей монголоидной примеси. Сравнение его

метрических характеристик со средними размерами известной серии забайкальских хунну [Алексеев, Гохман 1984: 65] показывает, что краниометрия единичного экземпляра вполне соответствует серийной со сдвигом ряда показателей в европеоидном направлении (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение средних размеров и указателей серии хунну Забайкалья
(мужские черепа) и черепа из Подзвонкой

Признак	n	x	Погр. Подзвонкая
1. Продольный диаметр	23	186,6	181,0
8. Поперечный диаметр	23	144,4	149,0
8:1. Черепной указатель	22	77,5	82,3
17. Высотный диаметр (ba-b)	18	132,2	139,0
20. Высотный диаметр (po-b)	22	114,0	107,0
5. Длина основания черепа	17	101,0	107,0
9. Наименьшая ширина лба	26	93,8	105,0
32. Угол профиля лба (n-m)	20	77,3	79,0
40. Длина основания лица	16	101,2	100,0
40:5. Указатель выступания лица	16	100,2	93,5
45. Скуловой диаметр	22	140,7	140,0
48. Верхняя высота лица	24	76,7	74,0
48:45. Верхний лицевой указатель	20	54,6	52,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	17	57,9	53,2
51. Ширина орбиты (от mf)	22	42,9	41,8
52. Высота орбиты	22	35,3	31,9
52:51. Орбитный указатель (от mf)	22	82,4	76,3
54. Ширина носа	26	26,6	23,0
55. Высота носа	22	52,9	53,0
54:55. Носовой указатель	22	48,0	43,4
77. Назомалярный угол	23	147,4	143,1
Zm` Зигомаксиллярный угол	23	136,2	128,0
DC. Дакриальная ширина	19	23,1	22,6
DS. Дакриальная высота	19	9,1	9,8
DS:DC. Дакриальный указатель	19	39,7	43,4
SC. Симотическая ширина	24	7,9	6,4
SS. Симотическая высота	24	3,0	3,3
SS:SC. Симотический указатель	24	38,9	51,6
72. Общий лицевой угол	19	84,2	87,0
75(1). Угол выступания носа	21	22,9	27,0

n – количество измерений в серии, x – средний показатель измерений в серии.

Археологические данные рассмотренного погребения выделяют его из массива хуннских погребений, о чем свидетельствует погребальный обряд (ориентирование погребенного по сторонам света, характер надмогильного перекрытия и пр.). С другой стороны, археологические материалы из погребения, встречающиеся в Забайкалье в местонахождениях как финального этапа бронзового века, так и в железном веке, не указывают на полное отсутствие связей с хунну. С нашей точки зрения, это погребение интересно тем, что может характеризовать собой один из компонентов формирования хуннского политического союза на территории Забайкалья или периферийное окружение этого союза в эпоху его функционирования.

Таким образом, новые данные вписываются в представление о хунну как о конгломерате различных племен, порой генетически не связанных между собой. Степные племена, по всей вероятности, принимали сторону господствующего в центральноазиатских степях объединения, а этническая (и даже расовая) принадлежность не играла здесь определяющей роли. Мы отдаем отчет, что полученные данные единичны, однако новая находка из Подзвонкой расширяет наши представления об антропологическом составе населения этой эпохи.

Статья подготовлена в рамках государственного задания XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии» № АААА-А17-117021310264-4.

Литература

Алексеев В. П. Антропология азиатской части СССР / В. П. Алексеев, И. И. Гохман. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Антонова Ю. Е. Каменная индустрия Юго-Восточного комплекса Подзвонкой: общая характеристика / Ю. Е. Антонова, В. И. Ташак // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – № 3. – С. 3–20.

Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье) / А. И. Бураев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 212 с.

Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья. Т. 18 / И. И. Гохман // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. – М.; Л.: Наука, 1958. – С. 428–443.

Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища / И. И. Гохман // Тр. БКНИИ. Вып. 3. – 1969. – С. 166–173.

Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества / И. И. Гохман // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. – Л.: Наука, 1977. – С. 158–164.

Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов / И. И. Гохман // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–34.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс: Иволгинское городище. Археологические памятники сюнну. Т. 1. Вып. 1 / А. В. Давыдова. – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. – 287 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс: Иволгинский могильник. Археологические памятники сюнну. Т. 2. Вып. 2 / А. В. Давыдова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV / Г. Ф. Дебец. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.

Ковалев А. А. О происхождении хунну / А. А. Ковалев // Центральная Азия и Прибайкалье в древности / отв. ред. М. В. Константинов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ; Чита, 2002. – С. 103–131.

Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы / С. А. Комиссаров. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.

Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья (По материалам могильника Черемуховая падь) / Н. Н. Мамонова // Расогенетические проблемы в этнической истории: сборник памяти Георгия Францевича Дебеца / отв. ред. И. М. Золотарева. – М.: Наука, 1974. – С. 201–228.

Миняев С. С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну / С. С. Миняев // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства» (г. Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) / отв. за вып. А. И. Мартынов. – Кемерово, 1979. – С. 74–76.

Миняев С. С. Исчезнувшие народы: сюнну / С. С. Миняев // Природа. – 1986. – № 4. – С. 42–53.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник / С. С. Миняев // Археологические памятники сюнну. Вып. 3. – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1998. – 233 с.

Пилипенко А. С. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья / А. С. Пилипенко, Н. В. Полосьмак, П. Б. Коновалов, А. А. Журавлев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. – 2011. – № 1. – С. 222–225.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья / Ю. Д. Талько-Гринцевич // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 1. Вып. 3. – 1900. – С. 35–76.

Ташак В. И. Палеолитическое поселение Подзвонкая / В. И. Ташак // Новые палеолитические памятники Забайкалья / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: Читинский гос. пед. ин-т, 1996. – С. 48–69.

Ташак В. И. Погребение раннего железного века в местности Подзвонкая / В. И. Ташак // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии / отв. ред. Н. Н. Крадин. – Владивосток: Институт истории ДВО РАН, 1998. – С. 100–103.

Ташак В. И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье / В. И. Ташак. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. – 185 с.

Тянь Гуаньцзинь. Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы / Тянь Гуаньцзинь // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7–24.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 288 с.

References

Alekseev V. P. Antropologiya aziatskoj chasti SSSR / V. P. Alekseev, I. I. Gohman. – М.: Nauka, 1984. – 208 s.

Antonova Yu. E. Kamennaya industriya Yugo-Vostochnogo kompleksa Podzvonkoj: obshchaya harakteristika / Yu. E. Antonova, V. I. Tashak // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya. – 2016. – № 3. – С. 3–20.

Buraev A. I. Antropologiya Pribajkal'ya i Zabajkal'ya (drevnost' i srednevekov'e) / A. I. Buraev. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2006. – 212 s.

Gohman I. I. Antropologicheskie materialy iz plitochnyh mogil Zabajkal'ya. Т. 18 / I. I. Gohman // Sb. muzeya antropologii i etnografii AN SSSR. – М.; Л.: Nauka, 1958. – С. 428–443.

Gohman I. I. Antropologicheskaya harakteristika cherepov iz Ivolginskogo gorodishcha / I. I. Gohman // Tr. BKNII. Vyp. 3. – 1969. – С. 166–173.

Gohman I. I. Antropologicheskoe izuchenie Zabajkal'ya v Troicko-Kyahtinskom otdelenii Russkogo geograficheskogo obshchestva / I. I. Gohman // Ocherki istorii russkoj etnografii, fol'kloristiki i antropologii. Vyp. VII. – Л.: Nauka, 1977. – С. 158–164.

Gohman I. I. Proiskhozhdenie central'noaziatskoj rasy v svete novyh paleoantropologicheskikh materialov / I. I. Gohman // Issledovaniya po paleoantropologii i kranilogii SSSR. – L.: Nauka, 1980. – S. 5–34.

Davydova A. V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks: Ivolginskoe gorodishche. Arheologicheskie pamyatniki syunnu. T. 1. Vyp. 1 / A. V. Davydova. – SPb.: Fond AziatIKA, 1995. – 287 s.

Davydova A. V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks: Ivolginskij mogil'nik. Arheologicheskie pamyatniki syunnu. T. 2. Vyp. 2 / A. V. Davydova. – SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. – 176 s.

Debec G. F. Paleoantropologiya SSSR / Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya. T. IV / G. F. Debec. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 391 s.

Kovalev A. A. O proiskhozhdenii hunnu / A. A. Kovalev // Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti / otv. red. M. V. Konstantinov. – Ulan-Ude: Izd-vo BGU; Chita, 2002. – S. 103–131.

Komissarov S. A. Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya: Epoha pozdnej bronzy / S. A. Komissarov. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 120 s.

Konovalov P. B. Hunnu v Zabajkal'e / P. B. Konovalov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1976. – 220 s.

Konovalov P. B. Etnicheskie aspekty istorii Central'noj Azii (drevnost' i srednevekov'e) / P. B. Konovalov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 214 s.

Mamonova N. N. K antropologii gunnov Zabajkal'ya (Po materialam mogil'nika Cheremuhovaya pad') / N. N. Mamonova // Rasogeneticheskie problemy v etnicheskoy istorii: sbornik pamyati Georgiya Francevicha Debeca / otv. red. I. M. Zolotareva. – M.: Nauka, 1974. – S. 201–228.

Minyaev S. S. Kul'tury skifskogo vremeni Central'noj Azii i slozhenie plemennogo soyuza syunnu / S. S. Minyaev // Tezisy dokladov Vsesoyuznoj arheologicheskoy konferencii «Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva» (g. Kemerovo, 14–17 noyabrya 1979 g.) / otv. za vyp. A. I. Martynov. – Kemerovo, 1979. – S. 74–76.

Minyaev S. S. Ischeznuvshie narody: syunnu / S. S. Minyaev // Priroda. – 1986. – № 4. – S. 42–53.

Minyaev S. S. Dyrestujskij mogil'nik / S. S. Minyaev // Arheologicheskie pamyatniki syunnu. Vyp. 3. – SPb.: Fond AziatIKA, 1998. – 233 s.

Pilipenko A. S. Genofond mitohondrial'noj DNK hunnu Zabajkal'ya / A. S. Pilipenko, N. V. Polos'mak, P. B. Konovalov, A. A. Zhuravlev // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. T. XVII. – 2011. – № 1. – S. 222–225.

Tal'ko-Gryncevich Yu. D. Materialy k paleoetnologii Zabajkal'ya / Yu. D. Tal'ko-Gryncevich // Trudy Troickosavsko-Kyahtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. 1. Vyp. 3. – 1900. – S. 35–76.

Tashak V. I. Paleoliticheskoe poselenie Podzvonkaya / V. I. Tashak // Novye paleoliticheskie pamyatniki Zabajkal'ya / otv. red. M. V. Konstantinov. – Chita: Chitinskij gos. ped. in-t, 1996. – S. 48–69.

Tashak V. I. Pogrebenie rannego zheleznogo veka v mestnosti Podzvonkaya / V. I. Tashak // Arheologiya i etnologiya Dal'nego Vostoka i Central'noj Azii / otv. red. N. N. Kradin. – Vladivostok: Institut istorii DVO RAN, 1998. – S. 100–103.

Tashak V. I. Vostochnyj kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabajkal'e / V. I. Tashak. – Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2016. – 185 s.

Tyan' Guan'czin'. Arheologiya syunnu v rajone Vnutrennyaya Mongoliya za poslednie gody / Tyan' Guan'czin' // Kaogu syuebao. – 1983. – № 1. – S. 7–24.

Cybiktarov A. D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ya / A. D. Cybiktarov. – Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 1998. – 288 s.